

Анна Гестерова

*(Без) Права
на зиму*

18+

Алла Нестерова

(Без) Права на ошибку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72333160

SelfPub; 2025

Аннотация

Это ты использовал меня как ширму, Саша. Удобная жена, без родственников, без претензий. Идеальная картинка для твоих родителей и друзей. Сам же мне вчера сказал. А я, дура, верила в твоё «всегда»!

Мой голос дрогнул на последнем слове, и я замолчала, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Но я не позволю им пролиться. Не перед ним.

– Ты всё сказал? – я выпрямилась, глядя на него с холодной насмешкой. – Тогда вали обратно к своей «настоящей женщине». И не забудь постирать её халатик – говорят, она любит, когда за ней ухаживают.

Саша открыл рот, но слова застряли у него в горле. Впервые я видела его растерянным. Он явно не ожидал, что я буду огрызаться, что во мне ещё есть силы держать оборону.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алла Нестерова

(Без) Права на ошибку

Глава 1

Я сидела в кухне, обхватив ладонями горячий стакан с чаем, пытаюсь согреть озябшие пальцы. За окном январский мороз расписал стекло тонкими, почти кружевными узорами, а город утопал в белой тишине, словно мир замер, затаив дыхание. После суточного дежурства в детской больнице, где я, врач-педиатр, успокаивала капризных малышей и их встревоженных родителей, тело гудело от усталости. Но внутри меня бушевала буря – страх, боль и холодное, липкое предчувствие, от которого сердце сжималось в тугой комок. Чай, пахнущий мятой и бергамотом, уже не спасал – его тепло не могло пробиться сквозь ледяной панцирь, сковавший меня изнутри.

В десять утра телефон завибрировал, высветив сообщение с незнакомого номера. Мой муж, Александр, врач-хирург, сегодня тоже дежурил, но его задержала срочная операция, и я уехала домой одна, не дождавшись его. К сообщению были прикреплены три фотографии. Я открыла их, и пальцы задрожали так, что телефон чуть не выпал из рук. Мир вокруг будто треснул, как тонкий лёд под ногами, и я

почувствовала, как земля уходит из-под ног.

На первом снимке Александр обнимал женщину у входа в кафе «Пушкин». Его рука лежала на её талии – слишком низко, слишком интимно, с той уверенностью, которая не оставляла места для сомнений. На втором они смеялись, глядя друг на друга, их лица почти соприкасались, и в этом взгляде не было ничего дружеского – только тепло, которое когда-то принадлежало мне. Третий снимок ударил сильнее всех: их губы были в миллиметре друг от друга, его пальцы запутались в её тёмных волосах, а её рука покоилась на его груди, словно отмечая право собственности. Я узнала её – Марина, его ассистентка из операционной. Та самая, с которой он «обсуждал сложные случаи» до поздней ночи, пока я ждала его дома, убеждая себя, что это просто работа.

Подпись под фотографиями гласила: «Встреча в кафе «Пушкин» сегодня вечером, в 18:30. Не пропустите!» Каждое слово звучало как насмешка, как вызов. Кто-то очень хотел, чтобы я это увидела. Коллега из больницы, которая давно косилась на меня с жалостью? Или кто-то из друзей Александра, решивший, что я должна знать правду? Но в глубине души я была уверена: это она, Марина. Ей надоело быть в тени, на правах любовницы, и она решила положить этому конец, поставив меня перед фактом. Эта мысль кольнула, как игла, но сейчас было не до того.

Сердце колотилось, отдаваясь в висках, дыхание стало рваным, а в груди разрастался холод, будто лёгкие сковало

льдом. Я ждала кулаки, и ногти впились в ладони, оставляя жгучие полумесяцы. Боль была реальной, она держала меня на плаву, не давая утонуть в отчаянии. Два года. Всего два года брака. Как он мог? Или это началось раньше? Может, их связь тянется ещё со времён, когда мы только начали встречаться, когда я, ослеплённая любовью, не замечала ничего вокруг? Эта мысль резала, как скальпель, которым Саша так ловко орудовал в операционной.

Теперь всё складывалось в пугающе ясную картину: его поздние возвращения, отговорки про «срочные операции», отменённые ужины, его отстранённость и резкость в последние месяцы. Я вспомнила, как он отмахивался от моих вопросов о Марине. «Она отличный специалист, нам повезло, что она в нашей команде», – говорил он, а я, наивная, верила. Уговаривала себя, что его холод – это просто усталость, что наш брак крепок, что он меня любит. Как же я ошибалась. Каждая его отговорка теперь казалась ложью, каждый взгляд – маскировкой.

Я медленно поднялась из-за стола, чувствуя, как решимость пробивается сквозь боль, как росток через асфальт. Разум шептал: не торопись, дождись вечера, поговори спокойно. Но сердце кричало: действуй! Верни себе контроль над своей жизнью. Месть? Нет, не мечь. Мне нужна правда. Я должна увидеть их своими глазами, убедиться, что это не ошибка, не чья-то злая шутка. Я должна услышать, как он объяснит это предательство, если вообще сможет.

Я подошла к окну. Снег мягко оседал на подоконник, укрывая его пушистым покрывалом. За окном всё было тихо, почти волшебным, как в детских сказках, но внутри меня рушился мир. Сегодня вечером я пойду в кафе «Пушкин». Увижу их. Услышу, как он оправдывается, если у него хватит смелости. А потом... потом я решу, что дальше. Может, я уйду, начну всё с чистого листа. Может, останусь и буду бороться за то, что ещё можно спасти. Но одно я знала точно: как прежде уже не будет. Моя спокойная, размеренная жизнь только что рухнула, и осколки её ещё звенели в ушах.

Я вернулась к столу, взяла телефон и снова открыла фотографии. Каждая деталь жгла сердце раскалённым железом: его улыбка, такая родная и теперь такая чужая, её рука, небрежно лежащая на его плече, их взгляды, в которых было то тепло, которое он когда-то дарил мне. Я выключила экран и закрыла глаза. В голове мелькали лица малышей, которых я лечила этой ночью, их доверчивые глаза, их родители, смотревшие на меня с надеждой. Я всегда находила силы быть для них опорой, даже когда сама еле держалась. Но сейчас... смогу ли я найти силы быть опорой для себя?

Я допила остывший чай, оставивший горьковатый привкус на языке, и пошла в спальню. На комодe стояла наша свадебная фотография. Мы были такими счастливыми: я в белом платье, с сияющей улыбкой, он в строгом костюме, с той самой улыбкой, которая теперь принадлежала другой. Я взяла рамку, провела пальцем по стеклу, чувствуя холод

поверхности. «Как ты мог, Саша?» – прошептала я. Голос дрогнул, но слёз не было. Вместо них внутри росла пустота, холодная и тяжёлая, заполняя всё, как свинец.

А что, если я ошибаюсь? Что, если это просто момент слабости, а не предательство? Я вспомнила, как мы мечтали о будущем: о детях, которые будут бегать по дому, о маленьком домике у моря, где мы будем встречать закаты, о том, как будем вместе стареть, смеясь над своими морщинами. Неужели всё это было ложью? Или это я позволила нам отдалиться, погрузившись в работу, в бесконечные дежурства, в попытки спасти всех, кроме нас самих? Нет, я не буду винить себя. Он сделал выбор. И теперь я должна сделать свой.

Я аккуратно поставила рамку на место, словно прощаясь с той версией нас, которая осталась только на фотографии. Глубоко вздохнула, выпрямляя спину. Что бы ни ждало меня в этом кафе, я справлюсь. Я всегда справлялась. Пусть сердце разрывается, пусть мир рушится – я найду в себе силы шагнуть вперёд.

И в этот момент тишину разорвал резкий звонок телефона. Я вздрогнула, будто вырванная из транса. Экран засветился, и я увидела тот же незнакомый номер. Сердце замерло. Что ещё они хотят мне показать? Я замерла, глядя на телефон, который продолжал вибрировать на столе, словно бомба, готовая взорваться.

Глава 2

Я смотрела на вибрирующий телефон, не решаясь ответить. Рука замерла в воздухе, пальцы дрожали. После пятого гудка я всё же нажала на зелёную кнопку.

– Алло? – голос прозвучал хрипло, словно не мой.

Молчание. Только чьё-то дыхание в трубке, размеренное, спокойное. Потом мужской голос, низкий, с лёгкой хрипотцой:

– Ника? Это Сергей, муж Марины. Вы получили фотографии?

Кровь застыла в жилах. Муж Марины? У неё есть муж? Я судорожно сглотнула, пытаюсь найти слова.

– Да, – выдавила я. – Получила.

– Нам нужно встретиться, – его голос звучал устало, словно он долго решался на этот звонок. – У меня есть ещё материалы. Думаю, нам обоим будет полезно поговорить.

Я закрыла глаза. Значит, не я одна. Мы оба – обманутые, преданные, брошенные. Странное чувство солидарности с незнакомцем захлестнуло меня.

– Где? – спросила я, удивляясь собственной решимости.

– Кофейня «Маяк» на Тверской. Через два часа. Я буду в чёрном пальто, за столиком у окна.

Он отключился, не дожидаясь ответа. Я опустила телефон и посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. До встречи

с ним – два часа, до вечернего свидания в «Пушкине» – семь часов. Семь часов до момента истины.

Я быстро приняла душ, позволив горячей воде смыть усталость после дежурства. Надела тёмные джинсы, серый кашемировый свитер, накинула чёрный пуховик. В зеркале на меня смотрела бледная женщина с тёмными кругами под глазами и решительным взглядом. Я нанесла немного туши и румян – не для красоты, а чтобы выглядеть живой, чтобы не вызывать жалость у незнакомца.

Выйдя на улицу, я вдохнула морозный воздух. Он обжёг лёгкие, но это было приятно – физическая боль отвлекала от душевной. Снег хрустел под ногами, город жил своей жизнью: спешили прохожие, сигналили машины, смеялись дети, катаясь с горки в соседнем дворе. Жизнь продолжалась, безразличная к моей трагедии.

«Маяк» встретил меня запахом свежесваренного кофе и корицы. Я сразу увидела его – мужчина лет тридцати пяти, с короткими тёмными волосами, тронутыми сединой на висках, сидел у окна, глядя на улицу. На нём было чёрное шерстяное пальто, а на столе перед ним стояла чашка эспрессо, к которой он, похоже, не притронулся. Его лицо, с резкими чертами и глубокой складкой между бровей, выдавало усталость и сдерживаемую боль. Когда я подошла, он поднял голову. Карие глаза встретились с моими, и в них я увидела отражение собственного отчаяния.

– Ника? – спросил он, приподнимаясь.

Я кивнула и села напротив. Официантка подошла почти сразу. Я заказала капучино, больше для вида – сомневалась, что смогу что-то проглотить.

– Сергей, – представился он, хотя мы оба знали, кто есть кто. – Спасибо, что пришли.

– Как вы узнали? – спросила я без предисловий, стиснув пальцы под столом.

Он достал телефон, пролистал что-то и протянул мне. На экране – переписка в мессенджере. Я узнала фото Саши в кружочке аватарки. Сообщения были откровенными, интимными. Мой муж писал его жене о том, как скучает, как хочет её видеть, как тяжело притворяться дома. Были и более личные строки – о том, как он мечтает увести её на выходные в загородный дом, как устал от «двойной жизни». Последнее сообщение датировано вчерашним вечером: «Завтра в половине седьмого на нашем месте. Очень соскучился».

– Она забыла телефон дома, – пояснил Сергей, глядя в стол. – Я искал зарядку для своего и случайно открыл её чаты. Сначала думал, что это ошибка, что я неправильно понял. Но потом нашёл их переписку за последние три года. – Он замолчал, сжав кулаки так, что костяшки побелели. – Мы женаты четыре года. Она начала мне изменять спустя всего год после свадьбы. Я думал, что у нас всё хорошо, что она просто занята на работе. А я... я был слишком занят своими проектами, чтобы заметить.

Его голос дрогнул, и он отвёл взгляд к окну, словно пы-

таясь скрыть эмоции. Я заметила, как напряглись его плечи, как он сжал челюсти, будто сдерживая крик.

– Почему вы прислали мне фотографии? И откуда они у вас? – спросила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело.

– Я не хотел, чтобы вас продолжали обманывать, – ответил он, наконец посмотрев на меня. – Фото мне прислали вчера вечером, с незнакомого номера. Не знаю, кто это. Кто-то, кто знает их обоих, кто знает о нас. Я пытался звонить на этот номер, но он отключён. – Он покачал головой, словно хотел стряхнуть неприятные мысли. – Сначала я думал, что это кто-то из коллег Марины, может, кто-то из больницы, кто заметил их и решил... не знаю, наказать? Предупредить? Но чем больше я думаю, тем меньше понимаю, зачем это кому-то нужно.

Мы оба замолчали, осознавая странность ситуации. Кто-то третий знал об их романе и решил вмешаться. Но кто? И зачем? Коллега, завидующий Марине? Друг Александра, решивший, что правда лучше лжи? Или кто-то, кто просто хотел разрушить всё, что у нас было?

– Что вы собираетесь делать? – спросил Сергей, отпивая глоток остывшего эспрессо.

– Пойду вечером в «Пушкин». Хочу увидеть всё своими глазами.

– Я тоже, – кивнул он. – Может, вместе?

Я посмотрела на этого незнакомца, который за час стал са-

мым близким человеком – единственным, кто понимал мою боль. В его глазах я увидела то же отчаяние, ту же решимость, то же нежелание сдаваться без боя.

– Вместе, – согласилась я.

Мы ещё час сидели в кофейне, делясь деталями, которые теперь складывались в очевидную картину. Сергей рассказал, как Марина в последние годы стала отстранённой, как она начала избегать совместных поездок, ссылаясь на работу. Он вспомнил, как однажды нашёл в её сумке чек из ресторана, где они с Александром, видимо, ужинали, но тогда он не придавал этому значения, решив, что это была рабочая встреча. Он говорил о том, как пытался спасти их брак, как предлагал ей съездить в отпуск, начать всё сначала, но она лишь отмахивалась, говоря, что слишком занята. Его голос был ровным, но я видела, как тяжело ему держать себя в руках.

– Я проектирую дома, – сказал он в какой-то момент, словно пытаясь отвлечься. – Знаете, это странно. Я могу построить здание, которое простоит сто лет, но не смог построить семью, которая продержалась всего четыре года.

Я не знала, что ответить. Моя боль была слишком свежей, слишком острой, чтобы находить слова утешения. Но я чувствовала, что мы с Сергеем – как два солдата на одном поле боя, связанные общей бедой.

Когда мы прощались у дверей кофейни, Сергей протянул мне визитку. «Сергей Варламов, архитектор» – было напи-

сано на плотной белой бумаге, с чётким шрифтом и минималистичным дизайном, который выдавал его профессию.

– Мой номер, – сказал он. – Встретимся в половине седьмого у «Пушкина»?

– До вечера, – ответила я, убирая визитку в карман.

По дороге домой я думала о странности судьбы. Утром я была просто уставшим врачом после тяжёлого дежурства. А теперь у меня есть союзник в этой войне за правду, человек, с которым нас связала чужая ложь. Дома я легла на диван, закрыв глаза. До вечера оставалось шесть часов. Шесть часов до момента, когда я увижу их вместе, услышу их смех, стану свидетелем их счастья, построенного на обломках наших браков. Но теперь я была не одна. Мы с Сергеем – два обманутых человека – вместе войдём в это кафе и потребуем ответов.

Телефон завибрировал. СМС от Саши: «Задерживаюсь на работе. Не жди с ужином. Люблю».

Люблю. Это слово резануло острее ножа. Я отбросила телефон и уставилась в потолок. Шесть часов. Всего шесть часов до правды.

Глава 3

Снег падал крупными хлопьями, оседая на моём чёрном пуховике и волосах, но я не стряхивала его. Холод прояснял мысли, удерживал меня от того, чтобы сорваться в пропасть эмоций. Я стояла у входа в кафе «Пушкин», чувствуя, как сердце бьётся в груди, словно молот о наковальню. Сегодня я увижу правду. Сегодня я узнаю, кем стал мой муж.

– Ника, – голос Сергея раздался за спиной, низкий и твёрдый, как гранит.

Я обернулась. Он стоял в нескольких шагах, в чёрном пальто, с тёмными волосами, припорошёнными снегом. Его карие глаза горели холодной решимостью, но в них плескалась та же буря, что раздирала меня изнутри. Этот человек, ещё утром чужой, теперь был моим союзником в этой войне за правду.

– Готова? – спросил он, и в его голосе не было ни тени сомнения.

– Да, – ответила я, выпрямляя спину. Мой голос звучал спокойно, но внутри я стиснула боль, как кулак, не давая ей вырваться наружу.

Мы вошли в кафе «Пушкин» вместе, плечом к плечу. Тёплый свет свечей, аромат свежесваренного кофе и звуки скрипичного концерта Вивальди встретили нас, но всё это казалось декорацией к нашей личной трагедии. Официант шаг-

нул навстречу, но я жестом отмахнулась, давая понять, что мы сами найдём свой путь. Мой взгляд обшаривал зал, пока не остановился на дальнем углу.

Они были там. Александр, мой муж, сидел спиной ко входу, но я узнала бы его даже в темноте – эти широкие плечи, лёгкий наклон головы. Напротив него – Марина, в облегающем чёрном платье, с идеально уложенными тёмными локонами. Она что-то рассказывала, её руки порхали в воздухе, а он смеялся – тем самым смехом, который когда-то был моим, а теперь принадлежал ей. Их мир казался таким уютным, таким самодостаточным, словно нас с Сергеем никогда не существовало.

Сергей тронул меня за локоть, его прикосновение было лёгким, но твёрдым, как напоминание: мы здесь не для того, чтобы отступить. Я кивнула, и мы двинулись к их столику. С каждым шагом мир сужался, звуки кафе – звон бокалов, гул разговоров, скрип стульев – растворялись, оставляя только стук моего сердца и хруст собственных шагов.

Марина заметила нас первой. Её глаза расширились, губы замерли, а бокал с вином, который она подносила ко рту, повис в воздухе. Александр, уловив её реакцию, начал оборачиваться. Его взгляд встретился с моим, и я увидела, как в нём мелькнул страх, тут же сменившийся холодной маской.

– Добрый вечер, – сказала я, удивляясь твёрдости своего голоса. Боль кипела внутри, но я не позволяла ей вырваться. Не здесь. Не сейчас.

– Ника? – Александр прищурился, его тон был пропитан раздражением, словно я вторглась в его личное пространство. – Что ты здесь делаешь?

– Интересный вопрос, – ответила я, скрестив руки на груди. – А ты? Уютный вечер с коллегой? Или уже не просто коллегой?

Марина поставила бокал на стол, её движения были резкими, почти вызывающими. Она подняла подбородок, и в её глазах вспыхнул циничный огонёк.

– О, Ника, не начинай, – её голос был сладким, как патока, но с ядовитым привкусом. – Не надо драматизировать. Это просто ужин.

– Просто ужин? – Сергей шагнул вперёд, его фигура казалась ещё массивнее в тусклом свете. Его голос был холодным, как зимний ветер, и в нём чувствовалась сталь. – Тогда объясни, Марина, почему твой телефон полон сообщений от этого человека? – он кивнул на Александра. – Сообщений, которые ты прятала от меня три года.

Марина побледнела, но тут же взяла себя в руки, её губы искривились в насмешливой улыбке.

– Сергей, дорогой, не устраивай сцен. Ты же у нас такой занятый, такие важные проекты. Когда ты вообще замечал, что происходит дома? – Она наклонилась чуть ближе к нему, её тон был пропитан сарказмом. – Я просто нашла того, кто видит во мне женщину, а не тень твоих чертежей.

Сергей стиснул кулаки, но его лицо осталось непроница-

емым. Он не сорвался, не повысил голос, но от его взгляда Марина невольно отшатнулась.

– Ты забыла телефон дома, – сказал он, и каждое слово падало, как камень. – Я видел всё. Твои «встречи», твои «переработки». Ты лгала мне три года, Марина. Три года из четырёх, что мы женаты.

Александр, до этого молчавший, вдруг выпрямился, его глаза сузились. Он посмотрел на меня с такой холодной злостью, что я едва узнала человека, которого любила.

– Ника, хватит этого цирка, – бросил он, его голос был острым, как скальпель, которым он орудовал в операционной. – Ты вечно занята, вечно спасаешь своих пациентов, вечно ставишь работу выше нас. Что ты хотела? Чтобы я жил как монах, пока ты играешь в святую?

Его слова ударили, как пощёчина, но я не отвела взгляд. Боль рвала сердце, но я стиснула её внутри, не давая вырваться наружу. Я не доставлю ему удовольствия видеть мои слёзы.

– Ты обвиняешь меня? – мой голос был тихим, но в нём звенела сталь. – Два года лжи, Саша. Два года, пока я ждала тебя дома, пока верила твоим «срочным операциям». А ты... – я посмотрела на Марину, – ты выбрал её. И теперь смеешь говорить, что это моя вина?

– А почему бы и нет? – он наклонился ко мне, его глаза горели циничной яростью. – Марина знает, как быть женщиной. Она живая, страстная, настоящая. А ты? Ты робот в бе-

лом халате, Ника. Работа, дежурства, пациенты. Где в этом месте для меня?

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, но не от стыда – от гнева. Он посмел переложить вину на меня, словно я заставила его изменить, словно я разрушила наш брак. Но я не успела ответить – Сергей шагнул вперёд, его присутствие заполнило пространство.

– Хватит, – его голос был как удар молота, твёрдый и неумолимый. – Вы оба. Думаете, ваши оправдания что-то меняют? – Он повернулся к Марине. – Ты лгала мне три года. Пряталась, как воровка, пока я строил для нас будущее. А ты, – он посмотрел на Александра, – ты разбил семью ради своей слабости. И смеешь винить её? – он кивнул на меня.

Марина фыркнула, её губы скривились в презрительной усмешке.

– О, Сергей, не строй из себя рыцаря, – бросила она. – Ты сам виноват. Вечно в своих проектах, вечно в офисе. Когда ты последний раз смотрел на меня? Когда говорил, что я тебе нужна? – Она откинулась на спинку стула, скрестив руки. – Александр даёт мне то, чего ты никогда не мог – внимание, страсть, жизнь.

– И ради этого ты разрушила нашу семью? – Сергей наклонился к ней, его голос стал тише, но от этого ещё опаснее. – Ты думаешь, это делает тебя особенной? Нет, Марина. Это делает тебя лгуньей.

Атмосфера в кафе сгустилась, как перед грозой. Посети-

тели за соседними столиками начали коситься на нас, но мне было всё равно. Мир сузился до этого стола, до этих четырёх людей, связанных ложью и предательством.

Сергей резко встал, его стул с глухим стуком отъехал назад.

– Довольно, – сказал он, и в его голосе не было ни капли сомнения. – Марина, мы уходим. Прямо сейчас.

– Я никуда с тобой не поеду, – она вскинула подбородок, но в её глазах мелькнула тень неуверенности.

– Поедешь, – Сергей наклонился к ней, его взгляд не предвещал ничего хорошего. – Или я позвоню главврачу прямо сейчас. Расскажу, чем вы с доктором Петровым занимаетесь в ординаторской во время «срочных операций». Думаешь, больница обрадуется такой новости?

Марина замерла, её лицо стало белым, как снег за окном. Она бросила взгляд на Александра, но тот лишь отвёл глаза, словно она уже перестала для него существовать.

– Сергей, – начала она, но он оборвал её:

– В машину. Сейчас.

Она медленно поднялась, её движения были скованными, словно она пыталась сохранить остатки достоинства. Сергей не прикоснулся к ней, но его присутствие было как невидимая цепь. Они ушли – она впереди, он следом, твёрдый и непреклонный.

Мы с Александром остались вдвоём. Его лицо, ещё минуту назад полное злости, теперь выглядело потеряннным. Он

открыл рот, но я не дала ему заговорить.

– Не надо, – сказала я, поднимаясь. Мой голос был ровным, но внутри я чувствовала, как стальной стержень, который всегда держал меня, становится только крепче. – Ты всё сказал, Саша. Спасибо за правду. Хоть и запоздалую.

Я достала из кошелька купюру и бросила на стол.

– За кофе, которого мы так и не выпили.

– Ника, подожди, – он схватил меня за запястье, но я вырвала руку.

– Не смей, – я посмотрела ему в глаза, и он отшатнулся от моего взгляда. – Ты сделал выбор. Теперь мой черёд.

Я повернулась и пошла к выходу, не оборачиваясь. Слезы жгли глаза, но я не позволила им пролиться. Не здесь. Не перед ним. Холодный воздух ударил в лицо, когда я вышла на улицу. Снег падал всё гуще, укрывая город белым покрывалом. Я подняла лицо к небу, позволяя снежинкам таять на щеках. Они смешивались с теплом слёз, которые я наконец выпустила.

Телефон завибрировал. СМС от Сергея: «Простите за сцену. Если нужна поддержка – звоните. Мы справимся».

Я убрала телефон и глубоко вдохнула. Да, мы справимся. Я справлюсь. Потому что внутри меня всё ещё горел огонь, который никто – ни Александр, ни Марина – не мог погасить. Позади остался ресторан, остался мужчина, которого я, оказывается, совсем не знала. Впереди была боль, но также и свобода.

Глава 4

Дома я едва успела закрыть дверь, как ноги подкосились. Я сползла по стене в прихожей, не сняв чёрного пуховика, который всё ещё хранил холод январского вечера, глядя на себя в зеркало. Снежинки таяли в моих тёмных, чуть выющихся волосах, собранных в небрежный пучок, из которого выбивались непослушные пряди. Мои карие глаза, обычно тёплые, с золотистыми искрами, теперь были затуманены слезами. Лицо, обрамлённое мягкими чертами, с чуть вздёрнутым носом и бледной кожей, отражало усталость и боль. Я всегда выглядела моложе своих тридцати – коллеги шутили, что я похожа на студентку-медика, а не на врача с пятилетним стажем. Но сейчас, в отражении зеркала, я видела женщину, которую предательство состарило за один вечер.

Слёзы текли горячими ручьями, смывая остатки туши, которую я наносила утром, чтобы скрыть тёмные круги под глазами после дежурства. Рыдания вырывались из груди, сотрясая тело. Я плакала так, как не плакала с детства – отчаянно, безудержно, словно вместе со слезами уходила вся боль последних часов. Прихожая, такая знакомая, теперь казалась чужой: кроссовки Саши у двери – чёрные, потёртые, с развязанными шнурками; фотографии на стене, где мы смеялись, обнимаясь на фоне осеннего парка; его серая куртка на вешалке, от которой всё ещё пахло его одеколоном – древес-

ным, с ноткой цитруса. Каждая деталь была по сердцу, напоминая о жизни, которая ещё вчера была моей, а теперь лежала в руинах.

Я закрыла глаза, и память подбросила картинки прошлого. Наша первая встреча – конференция по педиатрии три года назад. Я влетела в зал, опоздав, в простом синем платье, с растрепавшимися от бега волосами. Единственное свободное место оказалось рядом с ним. Саша тогда был воплощением уверенности: высокий, с атлетичной фигурой, которую не скрывал строгий тёмно-синий костюм. Его русые волосы были чуть длиннее, чем нужно, и падали на лоб, заставляя его время от времени отбрасывать их назад лёгким движением. Серо-зелёные глаза искрились лукавым теплом, а улыбка – широкая, с ямочкой на левой щеке – обезоруживала. Он подвинул свои бумаги, улыбнулся и шепнул: «Не волнуйтесь, самое интересное ещё впереди». После конференции он подошёл, представился – молодой хирург, только что защитивший кандидатскую. Его голос, глубокий и чуть хриловатый, звучал так, словно он уже знал, что мы не ограничимся одним разговором. Мы проговорили в холле больше часа, обсуждая медицину, а потом он вдруг спросил: «А кофе вы тоже обсуждаете так страстно?»

Слёзы текли сильнее, когда я вспоминала наш первый поцелуй – дождливый октябрьский вечер, мы стояли под козырьком больницы после совместного дежурства. Саша, в своей неизменной кожаной куртке, накрыл меня пиджаком,

притянул к себе. Его пальцы, сильные, но удивительно нежные, скользнули по моей щеке. «Знаешь, я никогда не верил в любовь с первого взгляда. До встречи с тобой», – сказал он, и его глаза сияли, отражая свет фонаря. Как банально это звучало, но тогда моё сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Два года брака пролетели как один день. Мы были счастливы – или мне так казалось. Совместные дежурства, когда Саша, несмотря на усталость, находил меня в ординаторской, чтобы украсть пять минут для кофе. Его привычка шутливо закатывать глаза, когда я увлеклась рассказом о новом методе лечения. Воскресные утра, когда он, в старой футболке и с растрёпанными после сна волосами, готовил омлет, напевая что-то под нос, а я читала вслух смешные истории из медицинских журналов. Наша традиция – каждую пятницу покупать друг другу по книге, а потом спорить до полуночи, чья оказалась лучше. Его смех, звонкий и заразительный, заполнял нашу маленькую квартиру теплом.

Но теперь я знала: даже тогда, в те счастливые дни, он уже был с Мариной. Их связь началась ещё до нашей свадьбы, как показала мне сегодня переписка, которую предоставил Сергей. Пока я выбирала платье, пока мы обсуждали, где проведём медовый месяц, Саша обнимал её в ординаторской, писал ей сообщения, обещал ей то же «всегда», что обещал мне. Эта мысль резала, как осколки стекла, впиваясь в сердце.

Я была слепа, сейчас, вспоминая какие-то моменты, которые должны были меня насторожить, но не насторожили: его «срочные операции», которые затягивались до полуночи, резкие ответы на мои вопросы, отстранённость, которую я списывала на усталость. «Ты робот в белом халате, Ника», – его слова из кафе «Пушкин» эхом звучали в голове. Я прижала ладонь к груди, словно пытаюсь унять физическую боль. Да, я много работала. Да, иногда задерживалась в больнице, чтобы спасти ещё одного ребёнка. Зачем он на мне женился? Если у него была Марина. В голове засел этот вопрос, как заноза, я искала ответ и не находила. За что он так со мной, разве я заслужила такое предательство с его стороны?

Я с трудом поднялась, стянула пуховик и прошла в гостиную. На каминной полке стояла ещё одна наша свадебная фотография. Я в простом белом платье, с букетом полевых цветов, улыбалась так, словно весь мир принадлежал мне. Мои волосы, тогда длиннее, струились по плечам, а глаза сияли надеждой. Саша, в строгом чёрном костюме, обнимал меня за талию, его улыбка – та самая, с ямочкой – была такой родной. Мы выглядели влюблёнными. Я верила, что так будет всегда.

Я прошла в кухню, налила себе вина из бутылки, которую мы берегли для особого случая. Какая ирония. Сделала большой глоток, чувствуя, как алкоголь обжигает горло, а потом тепло растекается по телу. И тут меня накрыло воспоминание, от которого я обычно пряталась. Детский дом.

Серые стены, запах хлорки и щей, которые варили каждый день. Мне было семь, когда меня привезли туда – родители погибли в автокатастрофе, родственников не нашлось. Я помнила, как плакала первые ночи, уткнувшись в подушку, чтобы соседки по комнате не слышали. Как мечтала, что мама с папой придут и заберут меня. Но никто не пришёл. Я росла, училась быть сильной, училась не привязываться – в детдоме это было правилом выживания. Подруги уходили в семьи, возвращались, снова уходили. Я оставалась. «Слишком взрослая, слишком серьёзная, слишком замкнутая», – говорили на комиссиях. В четырнадцать я перестала надеяться и сосредоточилась на учёбе. Книги стали моей семьёй, знания – опорой.

Когда я поступила в медицинский на бюджет, воспитатели не могли поверить. «Наша Ника – будущий врач!» – говорили они с гордостью, и я впервые почувствовала, что кому-то нужна. Я училась как одержимая, подрабатывала санитаркой, сэкономила на всём. У меня не было времени на развлечения, на свидания – только учёба, больница, дежурства.

А потом появился Саша. Первый человек за много лет, которому я позволила приблизиться. Первый, кому рассказала о детдоме – через полгода отношений, когда он заметил шрам на моём запястье от случайного ожога в детдомовской кухне. Он тогда обнял меня, поцеловал в висок и сказал: «Ты самая сильная женщина, которую я знаю. И я буду твоей семьёй, Ника. Всегда». Его голос, тёплый и уверенный, тогда

казался якорем, который удержит меня от всех бурь. Я поверила. И вот теперь этот якорь оказался миражом.

Я допила вино и налила ещё. Слёзы высохли, оставив жгучую пустоту. Неужели я снова одна? Неужели история повторяется – меня снова бросают? Но нет, это было не то же самое. В детстве я была жертвой обстоятельств. Сейчас – жертвой предательства. И в отличие от семилетней девочки, у меня были силы, профессия, дом. У меня была я сама.

Телефон зазвонил. Саша. Его имя на экране резануло глаза. Я смотрела, как экран мигает, но не брала трубку. Что он может сказать? Извиниться? Сказать, что всё ещё любит меня, несмотря на Марину, несмотря на два года лжи?

После пятого звонка он сдался. Через минуту пришло сообщение: «Ника, нам нужно поговорить. Я приеду через час».

Я подошла к окну. Снег всё ещё падал, укрывая город белым покрывалом. Где-то там, в этом огромном городе, Сергей переживал свою боль. Марина, может быть, искала оправдания. А Саша... Саша, чья улыбка когда-то освещала мою жизнь, теперь был чужим. Я посмотрела на свадебное фото ещё раз. Девушка на снимке сияла от счастья, её карие глаза горели надеждой. Она не знала, что её мечта о семье начнёт рушиться ещё до свадьбы, что человек, которого она любила, уже делил своё сердце с другой. «Прости меня», – прошептала я той девушке на фото. – «Прости, что не смогла защитить твою мечту».

Щёлкнул замок входной двери. Саша вошёл, используя свой ключ. Я не обернулась, продолжая смотреть в окно.

В отражении стекла я видела его: растрёпанные русые волосы, серо-зелёные глаза, полные смятения, лицо, бледное от холода и, возможно, вины. Он замер в дверях гостиной, всё ещё в своей кожаной куртке, с лёгкой щетиной, которая делала его таким родным и таким далёким одновременно.

– Ника... – начал он, и его голос, обычно уверенный, дрогнул.

– Не подходи, – мой голос был хриплым от слёз, но твёрдым.

– Просто скажи, что хотел, и уходи.

Тишина повисла, между нами, тяжёлая, как снег на ветках за окном. Я ждала. И знала – что бы он ни сказал, пути назад не было. Девочка из детдома научила меня одному: когда тебя предадут, нужно идти дальше. Всегда идти дальше.

Глава 5

Я медленно повернулась к нему, чувствуя, как сердце колотится в груди. Саша стоял в дверном проёме, и в его позе не осталось той неуверенности, которую я уловила в кафе несколько часов назад. Плечи расправлены, подбородок приподнят – он пришёл не мириться, а добивать. Его серо-зелёные глаза, которые когда-то казались мне такими тёплыми, теперь сверкали холодной злостью.

– Ну что, наигралась в оскорблённую жену? – его голос звучал резко и грубо. – Устроила сцену в кафе, теперь довольна?

Я сжала бокал в руке, чувствуя, как стекло холодит ладонь. Гнев поднимался внутри, но я старалась держать себя в руках.

– Сцену? – мой голос дрогнул, но я не отвела взгляд. – Ты изменяешь мне с самой нашей свадьбы, Саша. Два года. А я, по-твоему, устроила сцену?

Он усмехнулся, небрежно сбрасывая куртку на диван. Ткань шуршала, пока он проходил в комнату, и этот звук почему-то казался громче обычного в звенящей тишине квартиры.

– А что ты хотела, Ника? Чтобы я вечно ждал, пока ты вспомнишь, что у тебя есть муж? – он повернулся ко мне, и его глаза полыхнули яростью. – Знаешь, в чём твоя пробле-

ма? Ты никогда не была женщиной. Не как Марина. Ты даже не пыталась.

Слова ударили, как пощёчина, острые и жгучие. Я поставила бокал на стол, боясь, что пальцы разожмутся, и он разлетится на осколки.

– Не была женщиной? – я задохнулась от возмущения. – Это потому, что я не сплю с чужими мужьями?

– Потому что ты ходячая функция! – Саша повысил голос, и его слова эхом отразились от стен. – Врач на работе, врач дома. Всё ради твоих пациентов, твоей миссии. А где в этом я, Ника? Где мы?

– Мы? – я рассмеялась, но смех вышел горьким, как полынь. – Какое «мы», Саша? Ты был с Мариной ещё до нашей свадьбы!

Его лицо исказилось, и он сделал шаг ко мне. Я невольно отступила, чувствуя, как под ногами дрожит пол.

– Да, был! – он почти кричал. – И знаешь почему? Потому что она живая, Ника! Она смеётся, она хочет меня, а не бесконечные дежурства в больнице. Она женщина, а ты... ты – ошибка в белом халате.

Каждое слово било, как хлыст, оставляя невидимые рубцы. Слезы жгли глаза, но я стиснула зубы, не позволяя им пролиться.

– Если я такая ошибка, зачем ты женился на мне? Почему не женился на Марине? – мой голос дрожал, но я смотрела ему прямо в глаза.

Саша скривился, будто я задала глупый вопрос.

– А ты как думаешь? Мне было тридцать, родители давили, друзья уже обзавелись семьями. Ты подвернулась вовремя – тихая, удобная, без кучи родственников, которые лезут в жизнь. Идеальная ширма. А Марина..., Марина была замужем и не хотела уходить от своего мужа, он отлично зарабатывал, в отличии от меня на тот момент.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Два года брака, все наши вечера, разговоры, смех – всё это было ложью? Я судорожно вдохнула, пытаюсь удержать себя от падения в пропасть.

– Ты... ты никогда меня не любил? – слова вырвались сами, тихие и хрупкие.

– Любил? – он фыркнул, отворачиваясь к окну, где за стеклом кружился снег. – Я пытался, Ника. Честно пытался. Думал, ты оттаешь, станешь... нормальной. Но ты только глубже закапывалась в свою скорлупу. Детдомовская привычка, да? Никого не подпускать.

– Не смей! – я сорвалась на крик, чувствуя, как старая боль из прошлого вспыхивает с новой силой. – Не смей использовать это против меня!

– А что, правда глаза колет? – Саша шагнул ближе, нависая надо мной. – Ты так и осталась той напуганной девочкой, которая боится довериться. Только теперь прячешься за работой, за своей миссией спасти чужих детей. А я? Я устал, Ника. Устал ждать, когда ты наконец станешь женой.

Я замахнулась, чтобы ударить его, но он перехватил моё запястье. Его пальцы сжали руку так, что я поморщилась от боли.

– Вот оно, твоё истинное лицо, – прошипел он, наклоняясь ближе. – Не святая, спасающая детей, а просто истеричка.

– Отпусти! – я попыталась вырваться, но он держал крепко.

– Знаешь, что самое смешное? – его голос стал тише, но от этого только злее. – Сегодня в кафе, Марина предложила быть вместе. Не скрываясь. Она готова бросить Сергея ради меня. Хочет строить настоящую жизнь. А ты... ты была просто декорацией.

Я замерла. «Быть вместе». Эти слова эхом отозвались в голове, заглушая всё остальное. Он отпустил мою руку, и я отшатнулась, хватаясь за спинку дивана, чтобы не упасть.

– Пока ты спасала чужих детей, я был с женщиной, которая хочет меня. Всегда. А не между дежурствами, – продолжил он, наслаждаясь моим шоком.

– Убирайся, – прошептала я, едва находя в себе силы.

Саша расхохотался – жестокий, издевательский смех, от которого по спине пробежал холод.

– Убираться? Ника, ты забыла? Это моя квартира. Купленная на мои деньги ещё до того, как я совершил ошибку, женившись на тебе.

Он был прав. Я вспомнила, как подписывала брачный до-

говор, уверенная, что поступаю честно. Не хотела, чтобы он думал, будто я вышла за него из-за денег. Теперь эта честность обернулась против меня.

– Так что, если кто и должен убираться, – он подошёл к бару и налил себе виски, – так это ты. Возвращайся в свою съёмную клетушку. Или в детдом – там тебе самое место.

– Ты чудовище, – слова вырвались сами, хриплые и тяжёлые.

– Нет, дорогая. Я просто мужчина, который устал притворяться, – он сделал глоток, глядя на меня с холодным презрением. – И знаешь, я рад, что всё раскрылось. Марина переедет сюда, завтра же. Она моложе, красивее, страстнее. И главное – она умеет быть женщиной, а не роботом в халате.

Он направился к спальне, но у двери обернулся:

– Можешь спать на диване. Или вали прямо сейчас – мне плевать. Но в спальню не суйся.

Дверь захлопнулась, оставив меня в звенящей тишине гостиной. Я опустилась на диван, глядя на фотографии на полке – мы с Сашей на море, улыбающиеся, счастливые. Ложь. Всё было ложью. Маленькая девочка из детдома, которая так мечтала о семье, снова осталась ни с чем. Только теперь ей было тридцать, и она знала: чудес не бывает. Есть только боль и предательство.

Я встала и подошла к окну. Снег падал на город, равнодушный и холодный. В кармане пальто лежала визитка Сергея – того, кто сегодня в кафе смотрел на меня с такой же бо-

лю в глазах. Я провела пальцем по строгому шрифту, чувствуя слабую искру надежды. Может, я не совсем одна?

За спиной послышался шум – Саша включил душ. Смывает следы сегодняшнего вечера? Или готовится к звонку Марине, чтобы рассказать, как выставил меня? Я достала телефон и набрала номер Кати, моей подруги из детдома, единственного человека, который всегда был рядом.

– Ника? – её голос после третьего гудка звучал встревоженно. – Что случилось? Почему так поздно?

– Катя, – мой голос дрогнул, и я не смогла сдержать слёзы. – Мне некуда идти. Можно... можно к тебе?

Глава 6

– Собирайся. Я за тобой выезжаю, – голос Кати прозвучал жёстко, без единого вопроса. – Адрес тот же?

– Катя, не надо, я сама...

– Ника, заткнись и собирай вещи. Буду через двадцать минут. И не вздумай спорить.

Она отключилась, не дав мне возразить. Я стояла с телефоном в руке, чувствуя, как по щекам текут слёзы облегчения. Катя. Моя Катя, которая в детдоме защищала меня от старших девочек, делилась последним куском хлеба и никогда не задавала лишних вопросов. Теперь она работала помощником нотариуса в крупной конторе, носила строгие костюмы и могла одним взглядом заставить замолчать любого нахала. Но для меня она оставалась той рыжеволосой девочкой с острым языком и золотым сердцем.

Я быстро прошла в спальню. Саша всё ещё был в душе – слышно было, как льётся вода. На комод лежали его часы, кошелёк, телефон. Экран засветился – сообщение от Марины: «Как всё прошло? Она уже съехала?» Меня передёрнуло от отвращения. Они обсуждали меня, как вещь, которую нужно выбросить.

Я достала из шкафа спортивную сумку и начала складывать вещи. Несколько свитеров, джинсы, бельё, косметичка. Рабочий халат, стетоскоп. Папка с документами – пас-

порт, диплом. Всё, что действительно моё, поместилось в одну сумку. Два года жизни – и вот результат.

На тумбочке стояла фотография моих родителей – единственная, которая у меня осталась. Мама с папой на даче, молодые, загорелые, счастливые, куда делся наш семейный фотоальбом, мне в детдоме так никто и не смог ответить. Мне было пять, когда сделали этот снимок. Через два года их не стало. Я аккуратно завернула рамку в свитер и положила в сумку.

Звук воды в ванной прекратился. Я застегнула сумку и вышла в гостиную. На журнальном столике лежали ключи от квартиры – те самые, которые Саша вручил мне в день свадьбы с улыбкой: «Теперь это твой дом, любимая». Я сняла их с брелока и положила на стол. Больше они мне не понадобятся.

Телефон завибрировал – сообщение от Кати: «Внизу. Спускайся».

Я накинула пуховик, подхватила сумку. У двери обернулась в последний раз. Квартира, где я прожила два года, теперь казалась чужой. Дизайнерский ремонт, который выбирал Саша, дорогая мебель, картины на стенах – всё это никогда не было моим. Я была здесь гостьей, временной жиличкой, которую теперь выставляли.

– Сваливаешь? – Саша вышел из спальни в халате, вытирая волосы полотенцем. – И правильно. Чем быстрее, тем лучше для всех.

Я не ответила. Просто вышла и закрыла за собой дверь. В лифте меня трясло – то ли от холода, то ли от пережитого. Когда двери открылись, я увидела Катю. Она стояла у своей старенькой «Мазды», в длинном чёрном пальто поверх пижамы, рыжие волосы растрёпаны, на лице – выражение готовности убить любого, кто посмеет меня обидеть.

– Иди сюда, – она раскрыла объятия, и я упала в них, как в детстве.

Катя обняла меня крепко, прижимая к себе. От неё пахло домом – кофе, ванилью и чем-то неуловимо тёплым. Я разрыдалась, уткнувшись ей в плечо, а она гладила меня по спине и приговаривала:

– Тише, малышка. Всё будет хорошо. Я здесь.

Она усадила меня в машину, забросила сумку на заднее сиденье. Села за руль и тронулась с места. Несколько минут мы ехали молча. Я смотрела на заснеженные улицы, а Катя поглядывала на меня с беспокойством.

– Рассказывай, – наконец сказала она, сворачивая на Садовое кольцо.

И я рассказала. Всё – от утренних фотографий до сегодняшнего разговора с Сашей. Катя слушала молча, только костяшки пальцев белели на руле.

– Сволочь, – выдохнула она, когда я закончила. – Нет, это слишком мягко. Мразь конченная. Ты была для него ширмой? Декорацией? Да я ему...

– Катя, не надо.

– Надо! – она ударила по рулю. – Ника, ты самый чистый, добрый человек, которого я знаю. Ты спасаешь детей, ты отдаёшь себя без остатка. А этот... этот ублюдок посмел так с тобой? Я завтра же найду самого злобного адвоката, и мы его раздавим!

– У нас брачный договор, – тихо сказала я. – Квартира его, машина его. У меня ничего нет.

– Плевать на договор! Есть моральный ущерб, есть... – она осеклась, взглянув на меня. – Ладно. Потом разберёмся. Сейчас главное – привести тебя в чувство.

Мы подъехали к её дому – пятиэтажной хрущёвке на окраине. Катя жила одна в двухкомнатной квартире, доставшейся от приёмной бабушки. Та взяла её из детдома, когда Кате было шестнадцать, и стала единственным родным человеком. После её смерти Катя берегла эту квартиру как зеницу ока.

– Заходи, – она открыла дверь. – Дома бардак, предупреждаю.

Но бардака не было. Обычная Катина квартира – книги повсюду, стопки документов на столе, кружка с недопитым кофе. На стене – фотографии из детдома. Вот мы с ней на Новый год, обе в одинаковых платьях. Вот на выпускном из школы. Вот я на вручении диплома, а Катя рядом с букетом роз – единственная, кто пришёл меня поздравить.

– Будешь жить в большой комнате, – Катя понесла мою сумку в спальню. – Я там диван разложу. А ты пока иди в

душ. И не спорь!

Горячая вода смывала остатки этого кошмарного дня. Я стояла под струями, чувствуя, как напряжение постепенно уходит. Когда вышла, Катя ждала меня с кружкой чая и тарелкой бутербродов.

– Ешь. Когда ты последний раз нормально питалась?

Я попыталась вспомнить и не смогла. Вчерашнее дежурство, потом утренний чай, который я так и не допила...

– Вот именно, – Катя подтолкнула тарелку ближе. – Ешь, а то я за себя не ручаюсь.

Я откусила бутерброд, и вдруг поняла, как голодна. Катя села напротив, обхватив ладонями свою кружку.

– Знаешь, что я думаю? – сказала она задумчиво. – Всё к лучшему.

– Катя...

– Нет, послушай. Этот урод показал своё истинное лицо. Представь, если бы ты узнала через пять лет? Или после рождения ребёнка? Вот тогда было бы по-настоящему страшно.

Я вздрогнула. Дети. Мы с Сашей планировали завести ребёнка в следующем году. Я уже присматривала курсы для беременных, читала книги. А он в это время строил планы с Мариной.

– Кстати, про того мужика, Сергея, – Катя прищурилась. – Расскажи подробнее.

Я пожала плечами:

– Архитектор. Муж Марины. Мы встретились только се-

годня. Он... он тоже в шоке от всего.

– Но визитку дал?

– Да просто на случай, если понадобится поддержка.

Катя хмыкнула, но ничего не сказала. Мы ещё долго сидели на кухне. Она рассказывала про работу, про своего начальника-самодура, про клиентов. Пыталась отвлечь меня, и я была ей за это благодарна.

Когда я наконец легла на разложенный диван в большой комнате, за окном уже светало. Я лежала, глядя в потолок, и думала: что дальше? Как жить, когда всё, во что верила, оказалось ложью?

Телефон, лежавший на тумбочке, засветился. Сообщение от неизвестного номера: «Ника, это Сергей. Просто хотел убедиться, что у вас всё в порядке. Если нужна помощь – звоните в любое время».

Я перечитала сообщение несколько раз. Незнакомый человек проявлял больше заботы, чем муж за два года брака. Я положила телефон обратно и закрыла глаза. Завтра будет новый день. День, когда я начну строить жизнь заново. Без Саши, без иллюзий, но со своим достоинством. И я справлюсь. Я всегда справлялась.

Глава 7

Я проснулась от аромата свежесваренного кофе. Катя стояла в дверях с кружкой в руках, её рыжие волосы торчали во все стороны, напоминая гриву растрёпанного льва.

– Подъём, доктор! Семь утра, через час на работу, – сказала она, протягивая мне кружку.

Я резко села, и реальность обрушилась на меня, как ледяной душ. Вчерашний день не был кошмаром. Я действительно ушла от Саши, который два года изменял мне с ассистенткой.

– Может, возьмёшь больничный? – Катя присела на край дивана, глядя на меня с тревогой. – После такого...

– Нет, – я отхлебнула горячий кофе, обжигаящий горло. – У меня приём. Дети ждут.

Катя покачала головой, но спорить не стала. Она знала, что работа для меня – как спасательный круг.

В больнице я переоделась в ординаторской, стараясь не думать о Саше, который дежурил где-то в хирургическом отделении. Педиатрия находилась в другом крыле, и наши пути редко пересекались на работе. Но сегодня каждый шаг по коридору, каждый скрип двери заставлял моё сердце сжиматься.

Первый пациент – пятилетний Миша с бронхитом – отвлек меня от мрачных мыслей. Я слушала его дыхание, объ-

ясняла маме схему лечения, и боль отступила. Здесь, в кабинете, я была на своём месте. Здесь я знала, что делать.

К обеду я приняла пятнадцать пациентов. Простуды, аллергии, плановые осмотры – рутина, которая держала меня на плаву. В ординаторской я выпила чай, старательно избегая взгляда на пустое кресло, где обычно мы сидели с Сашей во время перерыва, разговаривая и строя планы на выходные.

– Ника? – в дверь заглянула Лена, медсестра из хирургии. Её сочувствующий взгляд выдал, она в курсе происходящего: новости в больнице распространялись быстрее вируса.

– Ты в порядке? – спросила она тихо.

– Да, спасибо, – я натянула улыбку, отворачиваясь к компьютеру. – Всё нормально.

Лена хотела что-то добавить, но я уткнулась в экран телефона, давая понять, что разговор окончен.

В три часа, когда я заполняла карту последнего пациента, дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стоял Саша в хирургической форме. Его лицо было непроницаемым, но в серо-зелёных глазах мелькали раздражение и решимость.

– Нам нужно поговорить, – бросил он, закрывая дверь.

Я откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. Сердце заколотилось в бешеном ритме, но я заставила себя дышать ровно. Он не увидит моей боли. Не дождётся.

– Я работаю, Саша. У тебя операция через полчаса, если я правильно помню твой график. Или ты теперь вместо скаль-

пеля размахиваешь словами?

Он поморщился, не ожидая моего сарказма. Я всегда была мягкой, сдержанной, но сегодня во мне проснулась та Ника, которая в детдоме умела давать отпор, если её загоняли в угол.

– Приём окончен, я проверил твоё расписание, – его тон был холодным, деловым, как будто он обсуждал план операции. – Хватит строить из себя святую. Нам надо обсудить развод.

– Развод? – я вскинула бровь, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё кипело. – Как мило, ты уже спешишь расчистить место для своей новой пассии. Что, Марина уже примеряет мои тапочки?

Его глаза сузились, щёки слегка покраснели – я попала в цель.

– Не начинай, Ника. Давай без театральных сцен. Подпишешь бумаги – и всё закончится быстро. У нас брачный договор, делить нечего.

Я встала, обойдя стол, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Он был выше, но я выпрямила спину, глядя прямо в его глаза – те самые, что когда-то казались мне тёплыми, а теперь были холоднее январского льда.

– Быстро? – я позволила себе лёгкую усмешку. – Прости, дорогой, но я не тороплюсь. Знаешь, я вспомнила один пункт в нашем брачном договоре. Кажется, там было что-то про измену. Думаю, стоит освежить память. А ещё... – я сде-

лала паузу, наклонив голову, – будет любопытно послушать, как ты объяснишь Роману Игоревичу – нашему главврачу и, по совместительству, твоему отцу, – почему твой роман с ассистенткой обсуждает вся больница.

Саша стиснул челюсти, его пальцы сжались в кулаки, но он не двинулся с места.

– Не смей угрожать мне, Ника, – его голос стал тише, но в нём звенела злость. – Ты думаешь, это что-то изменит?

– О, я не угрожаю, – я наклонила голову, позволяя себе лёгкую язвительную улыбку. – Я просто напоминаю, что у меня есть глаза, уши и пара друзей, которые с дивайсами на «ты». Например, взломать твой телефон, ноутбук. Интересно, сколько там ещё переписка с «коллегами», а может и не только с ними?

Он шагнул ближе, нависая надо мной, но я не отступила. Его одеколон – цитрус и кедровое дерево – ударил в нос, вызвав волну воспоминаний, которые я тут же подавила.

– Думаешь, ты такая умная? – его голос стал тише, но от этого только злее. – Марина переехала ко мне. Вчера. И знаешь, она не тратит жизнь на спасение чужих детей. Она знает, как быть с мужчиной. А ты... ты всегда была холодной, Ника. Ходячая функция, а не жена.

Я рассмеялась – коротко, резко, как будто он рассказал неудачную шутку. Смех помог скрыть боль, которая резанула сердце.

– Ходячая функция? – я скрестила руки, глядя на него

с холодной насмешкой. – Это ты про ту, которая ждала тебя дома, пока ты «оперировал» с Мариной? Про ту, которая верила каждому твоему слову про «срочные операции»? О, Саша, у тебя талант перекладывать вину. Может, тебе в театр податься?

Его лицо исказилось от злости, но я не дала ему ответить.

– И давай начистоту, – продолжила я, чувствуя, как во мне закипает что-то давно забытое, что-то из тех времён, когда я училась выживать в детдоме. – Ты обвиняешь меня в том, что я слишком много работаю? А ты, герой-любовник, когда последний раз спрашивал, как мои дела? Когда приносил мне кофе в ординаторскую? Или это слишком сложно для того, кто занят «срочными операциями» в объятиях ассистентки?

– Хватит! – он повысил голос, но я видела, как его уверенность даёт трещину. – Ты сама виновата, Ника. Ты всегда ставила работу выше нас.

– Это ты использовал меня как ширму, Саша. Удобная жена, без родственников, без претензий. Идеальная картинка для твоих родителей и друзей. Сам же мне вчера сказал. А я, дура, верила в твоё «всегда»!

Мой голос дрогнул на последнем слове, и я замолчала, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Но я не позволю им пролиться. Не перед ним.

– Ты всё сказал? – я выпрямилась, глядя на него с холодной насмешкой. – Тогда вали обратно к своей «настоящей

женщине». И не забудь постирать её халатик – говорят, она любит, когда за ней ухаживают.

Саша открыл рот, но слова застряли у него в горле. Впервые я видела его растерянным. Он явно не ожидал, что я буду огрызаться, что во мне ещё есть силы держать оборону.

– Ты пожалеешь, – наконец выдавил он, но его голос звучал неуверенно.

– Пожалую? – я покачала головой, чувствуя, как внутри растёт холодная ярость. – Единственное, о чём я жалею, это о двух годах, которые потратила на тебя. Но знаешь, Саша, я врач. Я умею резать по живому. И я вырежу тебя из своей жизни, как аппендицит. Без наркоза.

Я повернулась к столу, демонстративно начав складывать бумаги, давая понять, что разговор окончен. Он постоял ещё секунду, затем резко развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что стеклянные баночки на полке звякнули.

Я выдохнула, опустившись на стул. Руки дрожали, но в груди горел странный, почти торжествующий огонь. Я не сломалась. Не разревелась перед ним, не умоляла вернуться. Девочка из детдома, которая умела выживать, всё ещё была во мне. И она была сильнее, чем он думал.

Глава 8

Выйдя из кабинета, я умылась холодной водой в больничном туалете, вглядываясь в своё отражение. Бледная, с тёмными кругами под глазами, но всё ещё я. Всё ещё врач, которому доверяют дети. Это никто не отнимет. Холод воды немного взбодрил, но тяжесть в груди осталась. Я вытерла руки и вышла в коридор, где гудели лампы и пахло антисептиком.

Телефон зазвонил, когда я выходила из больниц. Номер Сергея.

– Ника? Простите, что беспокою. Как вы? – его голос звучал устало, но в нём чувствовалась искренняя забота.

– Нормально. А вы?

– Если честно, не очень. Можем встретиться? Мне нужно кое-что рассказать.

Я заколебалась на секунду, но любопытство и чувство солидарности пересилили. Мы договорились встретиться через час в кофейне «Маяк» – том самом месте, где вчера мы впервые поделились своими бедами.

Сергей уже ждал за столиком у окна. Он выглядел хуже, чем вчера: щетина, помятая рубашка, глаза, будто не спавшие ночь. Но при виде меня он попытался улыбнуться, и в этой улыбке было что-то живое, почти тёплое.

– Спасибо, что пришли. Кофе?

Я кивнула. Официантка принесла два капучино, и мы какое-то время молчали, глядя на пену в чашках, словно она могла дать ответы на все вопросы.

– Я выгнал её, – наконец сказал Сергей, и его голос дрогнул. – Вчера, после того как привёз домой. Сказал, чтобы собрала вещи и уходила.

– И она ушла? – я старалась говорить ровно, но внутри всё сжалось.

– Даже не пыталась объясниться или просить прощения. Просто собрала чемодан и уехала. К нему, – последнее слово он выплюнул, словно яд.

Я опустила взгляд. Значит, Саша не соврал. Марина действительно переехала к нему. В нашу квартиру. В нашу спальню.

– Знаете, что самое поганое? – Сергей сжал кулаки так, что костяшки побелели. – Она сказала, что давно хотела уйти. Что я душил её своей заботой, контролем. Что с вашим мужем она наконец-то свободна.

Я невольно усмехнулась, хотя в горле стоял ком.

– Мне Саша сказал, что я робот в белом халате, – призналась я, глядя в чашку. – Что женился на мне, потому что я была удобной ширмой. Без родственников, без претензий. Идеальная декорация для его идеальной жизни.

Сергей посмотрел на меня, и в его карих глазах мелькнула смесь удивления и сочувствия.

– Вы держитесь лучше, чем я ожидал, – сказал он. – После

такого... я думал, вы будете разбиты.

– О, я разбита, – я отхлебнула кофе, посмотрев на него поверх кружки. – Но я не из тех, кто падает в обморок. У меня в запасе ещё пара саркастичных шуточек и твёрдое намерение не дать этому уроду сломать меня. А вы?

Он невесело усмехнулся, потирая шею.

– Пытаюсь. Но, честно говоря, мне хочется взять молоток и разнести пару стен. Может, это было бы проще.

– Предлагаю начать с его машины, – я подмигнула, и он впервые за всё время искренне рассмеялся, откинувшись на спинку стула.

– Вы опасная женщина, Ника.

– Только когда меня доводят, – я пожала плечами, чувствуя, как его смех слегка разгоняет тьму внутри.

Мы допили кофе, и разговор плавно перешёл к практическим вещам: адвокатам, документам, процедуре развода. Я упомянула свой брачный договор и то, как он теперь играет против меня, оставляя меня почти ни с чем.

– Это несправедливо, – Сергей нахмурился, постукивая пальцами по столу. – Брачный договор, конечно, осложняет дело, но знаете, Ника, у меня есть знакомый адвокат, Игорь Смирнов. Он как бульдог – вцепится и не отпустит. Если в договоре есть хоть малейшая зацепка, например пункт про измену, он её найдёт и вытащит на свет. Хотите, я дам его контакт?

Я посмотрела на него, чувствуя, как в груди шевельнулась

слабая искра надежды.

– Это было бы здорово, – ответила я. – Спасибо, Сергей. Правда.

Он махнул рукой, словно отмахиваясь от благодарности.

– Да ладно, это меньшее, что я могу сделать. А вот мне с Мариной будет сложнее, – он вздохнул, потирая виски. – Мы с ней никаких контрактов не заключали. Всё нажитое за четыре года брака – квартира, машина, дача – делится пополам. Она, конечно, потребует свою половину, и я ничего не смогу с этим поделаться. Чёрт, я строил эту квартиру для нас, думал, там будут дети, а теперь... – он замолчал, глядя в окно, где снег кружился под фонарями, словно танцуя под неслышимую мелодию.

– Это несправедливо, – эхом повторила я его слова, сочувствуя ему. – Вы строили будущее, а она всё разрушила.

– Да уж, – он горько усмехнулся. – Знаете, я проектирую дома, которые стоят веками. А семью построить не смог. Смешно, правда?

– Не вините себя, – сказала я тихо, но твёрдо. – Вы не могли знать. Мы оба не могли.

Он кивнул, и на мгновение между нами повисла тишина – не тяжёлая, а какая-то тёплая, словно мы оба понимали друг друга без слов.

– Ника, – сказал он, когда мы прощались у выхода из кофейни. – Я знаю, сейчас тяжело, но... мы справимся. Оба справимся. И позвоните Игорю, он правда хорош.

– Да, – я улыбнулась, на этот раз искренне. – И, Сергей, если решите всё-таки взять молоток – позовите. Я знаю пару мест, где он пригодится.

Он рассмеялся снова, и в его глазах мелькнула искра, которой не было вчера.

– Договорились.

По дороге к Кате я думала о странности судьбы. Ещё вчера у меня были муж, дом, привычная жизнь. Сегодня – только работа, подруга и неожиданная связь с человеком, которого объединила со мной измена людей, которых мы считали близкими и родными. Но Сергей был прав. Мы справимся. А я, Ника, ещё докажу, что никакой «робот в белом халате» не позволит предательству сломать её. С номером адвоката в кармане и сарказмом в запасе я чувствовала себя готовой дать бой. Потому что я всегда была сильнее, чем думали другие. И остроумнее, чёрт возьми.

Я почти дошла до дома Кати, когда телефон снова зазвонил. Номер Романа Игоревича, моего свёкра. Сердце ёкнуло – его звонки никогда не были случайными. – Ника, добрый вечер, – его голос, как всегда, был ровным, с лёгкой хрипотцой, но я уловила в нём непривычную напряжённость. – Нам нужно поговорить. О Саше. И о тебе. – Что случилось? – спросила я, замедляя шаг. Снег хрустел под ногами, а в груди нарастало предчувствие беды. – Он приходил ко мне сегодня, – Роман Игоревич сделал паузу, и я услышала, как он тяжело вздохнул. – Рассказал свою версию. Но я хочу услышать

твою. И, Ника, я знаю, что ты не из тех, кто сдаётся. Зайди завтра ко мне утром, до начала приёма, если я не ошибаюсь, после приёмных часов, ты заступаешь в стационар на дежурство до следующего утра? Есть вещи, которые мы должны обсудить. Без него.

Я сжала телефон, чувствуя, как холод пробирается под пальто. – Хорошо, – ответила я. – Я зайду. – Вот и умница, – сказал он, и в его голосе мелькнула тень одобрения. – Держись, Ника. Мы разберёмся.

Я положила трубку и остановилась, глядя на падающий снег. «Разберёмся». Это слово эхом отозвалось в голове. Впервые за день я почувствовала, что не одна в этой битве. Роман Игоревич, со всей своей строгостью и старомодной прямоотой, всегда был на моей стороне – в отличие от свекрови, Тамары Алексеевны, которая невзлюбила меня с первой встречи два с половиной года назад, когда мы с Сашей пришли к ним знакомиться.

Я поправила шарф и пошла дальше, к тёплому свету Катинного дома, чувствуя, как внутри зарождается надежда.

Глава 9

Воспоминание накрыло меня, едва я переступила порог Катиной квартиры. Два с половиной года назад, ноябрь. Мы с Сашей стояли у дверей респектабельного дома в престижном районе Москвы. Я нервно теребила подол своего лучшего платья – тёмно-синего, купленного специально для этого вечера, – и сжимала в руках коробку дорогих конфет, выбранных после долгих раздумий в кондитерском магазине.

– Не волнуйся так, – Саша обнял меня за плечи, его голос был мягким, но я уловила лёгкую дрожь. – Они тебя любят.

Но в его глазах мелькнула тень беспокойства. Он рассказывал о своих родителях: отец – главврач крупной московской больницы, мать – бывшая оперная певица, теперь посвятившая себя благотворительности. Идеальная семья, о которой я, выросшая в детском доме, могла только мечтать.

Дверь открыла Тамара Алексеевна. Высокая, стройная женщина лет пятидесяти пяти, с безупречно уложенными пепельными волосами и холодными серыми глазами. Она окинула меня оценивающим взглядом – от простых чёрных туфель до скромных серебряных серёжек, подаренных Сашей на мой день рождения. Я почувствовала себя бабочкой, которую разглядывают под микроскопом.

– Александр, – она поцеловала сына в щёку, не сводя с

меня глаз. – И это... Ника?

Её тон, словно она пробовала на вкус что-то неприятное, заставил меня внутренне сжаться.

– Добрый вечер, Тамара Алексеевна, – я протянула ей конфеты, стараясь улыбаться. – Рада познакомиться.

Она взяла коробку двумя пальцами, будто это был подозрительный предмет, и слегка приподняла бровь.

– Милочка, у меня диабет, – сказала она с ледяной улыбкой. – Саша разве не предупредил?

Саша покраснел, его рука на моём плече напряглась. Он не предупредил, видимо забыл. Щёки у меня запылали от смущения.

– Простите, я не знала, – пробормотала я, чувствуя, как голос предательски дрогнул.

– Конечно, – она отвернулась, жестом приглашая следовать за ней. – Проходите в гостиную. Роман Игоревич уже ждёт.

Гостиная была словно из глянцевого журнала: антикварная мебель, картины в золочёных рамах, рояль у панорамного окна с видом на вечернюю Москву. Всё здесь кричало о достатке и положении. У камина стоял Роман Игоревич – высокий седовласый мужчина с добрыми карими глазами за очками в тонкой оправе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.